

В. Борщукова, которая умело вводит читателя в этот своеобразный архив, где нет архивной пыли и где все полно жизни. Между прочим, в статье сообщается о намерении редакции и в дальнейшем систематически знакомить общественность с

неопубликованными материалами, относящимися к истории советской литературы. Нам остается лишь пожелать «Литературному наследству» новых успехов в этом большом и важном деле.

Н. ЖЕГАЛОВ

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ, КАКИМ ОН БЫЛ *

Книга, написанная тридцатью семью друзьями, соратниками и учениками Кольцова, воскрешает облик замечательного писателя и журналиста, жизнь и деятельность которого тесно сплелись с историей Советской страны. Сборник открывается вступительной статьей Б. Агапова. С воспоминаниями о совместной работе с Кольцовым в газете «Правда», в журналах «Огонек», «Чудак», «Крокодил» и в «Жургазе» выступают С. Виноградская, Н. Беляев, Н. Кружков, С. Евгенов, Д. Заславский, Г. Рыклин, Э. Голомба. О встречах с ним рассказывают К. Чуковский, Н. Равич, Л. Кассиль, Л. Никулин, Т. Тэсс, В. Ардов и др. Интересны воспоминания С. Прокофьевой о Кольцове как об инициаторе больших государственных дел, И. Майского о совместной работе с Кольцовым в Наркоминделе в 20-х годах. Герой Советского Союза Н. Кузнецов, О. Савич, А. Эйсер, Р. Кармен и Э. Вольф рассказывают о «таланте бесстрашия, каждодневного мужества» Кольцова во время событий в Испании. Особенно выделяются воспоминания, написанные братом Михаила Кольцова, известным художником Борисом Ефимовым. Пожалуй, эти страницы и составляют сердцевину всего сборника.

Книга «Михаил Кольцов, каким он был» обращена не только в прошлое. Она, как эстафета, передает опыт живого Кольцова новому поколению литераторов-журналистов.

Творчество Кольцова уже давно стало примером для многих советских журналистов. На страницах печати мы то и дело встречаем цитаты из произведений Кольцова, ссылки на его высказывания.

Это не просто дань уважения к замечательному журналисту. Страстность, боевая целенаправленность, умение видеть за «мелочами» большие и важные проблемы строительства новой жизни — вот что делает произведения Кольцова актуальными и нужными сегодня.

В 1936 году Кольцов опубликовал в «Правде» фельетон «Похвала скромности», в котором он мечтает о времени, когда качество советских изделий будет определять мировые стандарты. Через тридцать лет, 16 апреля 1966 года, «Неделя» печатает статью Вик. Матвеева «Идеи и холодильники», которая начинается большой цитатой из этого фельетона. Доктор юридических наук Г. Свердлов публикует в «Литературной газете» статью по вопросам семейного права и ссылается на очерк Кольцова «В загсе», напечатанный в «Правде» в 1936 году. В «Вечерней Москве» появляется статья «Машина с зеле-

* «Михаил Кольцов, каким он был», «Советский писатель», М. 1965, 328 стр.

ным глазком», в которой сказано: «Прав был Михаил Кольцов, писавший еще в 30-х годах...» и т. д. В этой же газете В. Сырокомский начинает свой очерк «Жемчужина Дуная», посвященный Венгрии, строками из кольцовского фельетона «Что могло быть» (о Будапеште времен Хорти). На этот же очерк ссылаются в своих путевых очерках «Дунайские волны» Юрий Жуков...

Сборник «Михаил Кольцов, каким он был» дает представление о разных областях творческой деятельности писателя, и в первую очередь о его мастерстве первоклассного фельетониста. Кольцов по праву является классиком советского фельетона. Сила его фельетонов не только в продолжении великих традиций русской сатиры, но и в том, что в них выражала себя новая эпоха, которая открыла новые возможности литературы, ставшей одним из могучих рычагов обличения старого мира и созидания новой жизни.

Б. Агапов справедливо утверждает, что Кольцов был мастером точного слова и художественной детали. Писал он строго, не любил в очерке и фельетоне «шикарных» эпитетов, чересчур «красивых» сравнений. Его стиль отличался мужественностью и силой. Он брал, казалось бы, частный факт и, рассматривая его особым, свойственным только ему зрением, обобщал, публицистически заострял и делал общественные, государственные выводы. Он писал правду, и только правду.

Т. Тэсс вспоминает несколько «заповедей», которым, как считал Кольцов, должен следовать каждый журналист:

«Заповедь первая: по-настоящему ненавидеть то, что ненавистно, по-настоящему любить, что дорого. Без

страха и колебания бороться за великое дело, которому служишь.

Заповедь вторая: всегда знать о предмете, о котором собираешься писать, по крайней мере в десять раз больше, чем может влезть в очерк.

Заповедь третья: перед тем, как сесть за машинку, быть твердо убежденным, что не можешь этой вещи не написать.

Заповедь четвертая: верить людям. Без доверия к человеку, без настоящей заинтересованности в его судьбе, без чувства ответственности за нее — нет журналиста. Но это не исключает того, что в своей работе журналист должен тщательно проверять каждый факт. Ибо это — вторая сторона ответственности: ответственность за абсолютную... достоверность того, о чем пишешь.

Заповедь пятая: всегда помнить, что тебе дано в руки очень сильное оружие. Держать его в чистоте, не баловаться им, по воробьям не стрелять».

Каждым днем своей жизни, каждой своей строкой Кольцов доказывал верность этим заповедям. Он всюду, где кипит жизнь, всюду, где она наиболее зримо обнаруживает свои черты, он видит все собственными глазами. Для этого он готов провести ночи за рулем такси, работать делопроизводителем в загсе, продавцом за прилавком чайной, делать «мертвую петлю», пробраться в берлогу петлюровца, тайно пересечь границу государства, рисковать жизнью на самых напряженных участках фронта вместе с воинами, сражавшимися за свободу Испании.

С наибольшей полнотой талант Кольцова раскрылся в «Испанском дневнике», о котором А. Толстой и А. Фадеев писали: «В «Испанском дневнике» Кольцов выступает как зрелый и своеобразный художник...

«Испанский дневник» — великолепная, страстная, мужественная и поэтичная книга».

Из сборника мы узнаем о Кольцове не только как выдающемся литераторе и фельетонисте, но и как о новаторе в издательском деле. Об этом интересно рассказывают С. Евгенов, А. Дейч и Э. Голомба. Первым успешным выступлением Кольцова на этом поприще было создание в 1923 году журнала «Огонек», который стал массовым журналом и уже в 20-х годах достиг почти полумиллионного тиража. Но Кольцов не мог заботиться только о своем журнале «Огонек», он думал об интересах всех без исключения газет, выходивших в то время в стране. И вот по инициативе Кольцова создается «Бюро клише», обслуживавшее иллюстрациями местную печать; «Русфото», занимавшееся экспортом и импортом фотоснимков; фотоархив с десятками тысяч снимков; обширная сеть фотокорреспондентов на местах.

В 1927 году Кольцов задумал издавать приложение к «Огоньку» — собрания сочинений русских писателей. Мало кто знает, какую напряженную борьбу с рапповцами вел он, чтобы издать собрание сочинений Чехова. Мало кому известно, что именно Кольцов положил начало изданию «Литературного наследства».

Чтобы создать «Огоньку» твердую материально-издательскую базу, Кольцов в 1925 году приступил к организации акционерного издательского общества «Огонек». Пайщиками этого общества состояли 163 издательства (государственные, партийные и профессиональные), разбросанные по всей стране. «Огонек» при этой структуре стал своего рода добровольным объединением, кооперацией свыше полутора ста издательских единиц (надо сказать, что эконо-

номическая и финансовая деятельность этого объединения очень поучительна и должна стать предметом исследования). На восьмом году своего существования, в 1931 году, акционерное издательское общество «Огонек» было реорганизовано в журнально-газетное объединение («Жургаз»). В его систему входило уже тогда около тридцати журналов и газет. Вокруг «Огонька», а затем «Жургаза» начали объединяться писатели, художники, режиссеры разных поколений. Знаменитый садик при «Жургазе», где они собирались за чашкой чая или кружкой пива, стал своеобразным клубом творческой интеллигенции. Именно при «Огоньке», а затем и при «Жургазе» было создано первое литературное объединение. Многие из современных писателей начали печататься в журнале «Огонек», будучи членами этого литературного объединения, которым руководил старый друг и ближайший помощник Кольцова Е. Зозуля. Многие прогрессивные писатели зарубежных стран стали друзьями СССР при посредстве Кольцова.

Неизменным другом и советчиком Кольцова и «Жургаза» был Горький. Начинания Кольцова всегда находили у него поддержку. И сам Горький порой обращался с предложениями к Михаилу Ефимовичу. Так, усилиям Горького и Кольцова мы во многом обязаны изданием литературных летописей, «Истории фабрик и заводов», серии «История молодого человека XIX столетия», журнала «За рубежом», «Библиотеки романов» и многими другими начинаниями, вошедшими в золотой фонд нашей издательской практики.

В книге освещаются разные этапы жизни Кольцова как деятеля международного антифашистского движения. Он принимал непосредственное

участие в созыве и проведении Конгресса деятелей культуры в Париже в 1936 году и в Мадриде в 1937 году. С первого до последнего дня процесса Георгия Димитрова Кольцов был в Лейпциге, писал корреспонденции, прогремевшие на весь мир; он организовал издание «Коричневой книги», он же положил начало такому примечательному изданию, каким был «День мира». Этого неугомонного и неутомимого человека увлекало все, что связано с жизнью советских людей и прославлением советской Родины, с защитой ее интересов.

Рано оборвалась жизнь Кольцова. Невозможно даже представить, как много он еще смог бы сделать...

Я пишу эти строки не как литературовед,— пишу по зову сердца. Я лично знал Михаила Ефимовича, читал все, написанное им, и полностью убежден в правоте Корнея Чуковского, назвавшего Кольцова «первым журналистом эпохи».

Помню, как в 1928 году, когда я пришел на Страстной бульвар в издательство «Огонек» делать доклад о кооперативе «Коммунар», Кольцов отозвал меня в сторону и строго сказал: «Надеюсь, вы не собираетесь нас агитировать? Давайте во всем разберемся попросту, по-деловому.

Для нас любое собрание, которое нас ничему не научит,— потерянное время». Таким вот колючим он и сохранился бы в моей памяти на всю жизнь, не случись другая встреча. Я написал статью о бездорожье и никак не мог придумать хорошего газетного заголовка для нее. Зашел в садик «Жургаза» и, к счастью, застал там Кольцова. По моей просьбе он прочел статью, затем так же строго, как и в прошлый раз, поглядел на меня и вдруг широко улыбнулся, поманил меня к себе и таинственно проговорил: «Маяковский уж давно придумал заголовок». И надписал: «Дорогу — дорогам!»

И сейчас, читая этот сборник, я, спустя много лет после нашей последней встречи, как будто снова вижу перед собой этого удивительного человека...

Книга оформлена со вкусом. Чувствуется, что ее делали люди, понимающие толк в верстке. На обложке книги — портрет Кольцова на газетной полосе, выразительные документальные иллюстрации размещены в строгом соответствии с содержанием. Тексты набраны хорошим шрифтом.

Книга эта по праву станет литературным памятником классику советского фельетона.

Сем. ЛЯНДРЕС

СВЯЗЬ ВРЕМЕН*

Не так уж часто литературоведческое исследование привлекает такое широкое общественное внимание, как это случилось в Башкирии с книгой А. Харисова. Выход ее был отмечен большими, занимающи-

ми почти целые полосы, рецензиями во всех республиканских газетах: статьей народного поэта Башкирии С. Кудаша «Из глубин веков к современности», С. Саитова «Истоки башкирской литературы», Н. Зарипова «Ценный научный труд». С. Саитов оценивает книгу А. Харисова как «блестящий образец диалектического мышления». С. Кудаш называет ис-

* А. И. Харисов, Литературное наследие башкирского народа XVIII—XIX веков, Башкиргоиздат, Уфа, 1965, 414 стр. (на башкирском языке).